

ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**В ОТСУТСТВИЕ
НАЧАЛЬСТВА**

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбышева*

Свечин, Николай.
С24 В отсутствие начальства : роман / Николай Свечин. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-169177-6

В 1913 году Алексей Лыков волею судеб оказывается в городе Смоленске, где ему предстоит не просто спасти друга и сослуживца — коллежского асессора Азвестопуло — от карающего меча правосудия, но и раскрыть тайную сеть австрийских диверсионных баз и рассекретить польских шпионов.

Истинные преступники оказались за решеткой, а Лыков и освобожденный Азвестопуло смогли присоединиться к празднованию трехсотлетия дома Романовых и вернуться к своей обычной службе.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169177-6

© Свечин Н., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Автор благодарит Юрия Шорина
за помощь в исправлении
исторических неточностей.*

ГЛАВА 1

Бегство из Лемберга

Штабс-капитан Павел Лыков-Нефедьев сидел на стопке газет и старался не шевелиться. Самое время было вспомнить уроки отца, умевшего часами обходиться без движения... Папаша не смог воспитать из отпрыска такого же пластуна, как он сам. Но кое-какие навыки привил. Теперь Павлу пришлось их вспомнить — впервые в жизни.

Штабс-капитан должен был встретиться на Лычаковском кладбище в Лемберге♦ с агентом-маршрутником и получить от него очень важное донесение. Подпоручик Яцевич, офицер разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа, вез сведения о польской организации «Союз активной борьбы». Его создал небезызвестный Иозеф Пилсудский, вождь ППС — Польской социалистической партии, ставящей целью обретение Польшей независимости. Одновременно с союзом учредили Польскую военную казну — секретный фонд для финансирования по-

♦ *Лемберг* — название столицы Галиции — города Львова в Австро-Венгрии. (Здесь и далее примеч. автора.)

встанческого движения. Пилсудский договорился с австрийской разведкой о сотрудничестве. Австрийцы предложили полякам организовать в Галиции и Малой Польше целую сеть стрелковых союзов по образцу тирольских. Это была замаскированная форма военного обучения поляков как ядра их будущей армии. Военное министерство выдало стрелкам оружие, патроны, даже взрывчатку, а еще серьезную сумму денег. Все это крайне интересовало русскую разведку, но ее дела в Австрии трещали по швам. Эвиденцбюро♦ раскрыло шпионскую сеть, созданную русским военным агентом в Вене полковником Здановичем.

♦ *Эвиденцбюро* — австрийская разведка и контрразведка.

♦♦ *Огенквар* — отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, русская военная разведка.

♦♦♦ *Королевство Галиции и Лодомерии* с Великим княжеством Краковским (Малой Польшей) и княжествами Освенцим и Затор — название коронных земель Австрийской монархии после раздела Речи Посполитой в 1772 году.

Неделю назад, в первых числах марта 1913 года, Зданович был вынужден спешно уехать в Петербург. Оба его нелегальных помощника, Беран и Хашек, с которыми Павел тесно общался, были арестованы контрразведкой. Следом схватили группу Чедомила Яндрича. Этот обер-лейтенант, слушатель военной школы и подающий надежды офицер, был завербован еще предшественником Здановича полковником Марченко. Он привлек к секретной службе двух лейтенантов: своего брата Александра и его приятеля Якова, а также отставного полицейского Юлиуса Петрича, железнодорожного служащего Флориана Линдера и фельдфебеля Артура Итукуша. Резидентура успешно работала два года, и ее провал был сильным ударом для Огенквара♦♦.

Штабс-капитан Лыков-Нефедьев неделю катался по Королевству Галиции и Лодомерии♦♦♦. Он выдавал себя за офицера, который вышел в запас и теперь ищет

место управляющего. На самом деле разведчик инспектировал свою агентуру на правах помощника делопроизводителя австрийского отделения Огенквара. Сам делопроизводитель, полковник Самойло, уже не рисковал посещать империю Габсбургов, где был хорошо известен чинам Эвиденцбюро. Теперь, после провала группы Яндрича, было бы правильно свернуть инспекцию и спешно драпать на восток. Но штабс-капитану было жалко терять донесение о галицийских поляках. Он надеялся, что до его маршрутника контрразведка не добралась. Кроме того, вчера на проверке подпоручик дал сразу два знака. Он шел мимо Арсенала, держа в левой руке папиросу. Тем самым сообщая, что донесение передано им по каналу «Монастырь». А на углу агент остановился и почесал затылок, словно размышляя, пойти ему налево или направо. Павел наблюдал за ним из кофейни и сразу насторожился. Помедлив, Яцевич шагнул налево. Это был сигнал о том, что он желает личной встречи с начальством. Следовательно, имеет сказать что-то важное... Такая встреча допускалась в исключительных случаях и была небезопасна, поэтому приходилось принимать самые серьезные меры предосторожности. Павел в тот же день истоптал Лычаковское кладбище и изучил место встречи с агентом. Она должна была состояться возле могилы Антония Езёранского, бывшего полковником польских инсургентов во время восстания 1863 года. Место выбрали удачно: тихая аллея, вокруг густо росли высокие старые деревья, много было и низкого кустарника...

Штабс-капитан сначала решил спрятаться в десяти сажнях от надгробия, под сенью приземистой туи. Если нырнуть туда и затаиться, то разглядеть спрятавшегося невозможно. Но, пройдя раз-другой по аллее, разведчик передумал. Наискосок от нужной могилы стояла старая каплица, венчавшая склеп польского рода Дзевятловских-Гинтовт. В нем, судя по надписям, лежало три поколения панов. Крепкое строение, вокруг ухоженные клумбы, вход перегорожен тяжелой дверью с большим висячим замком на цепи. Спрячься в каплице, и тебя никто не увидит, а ты разглядишь любого. Но как туда попасть? Сломать замок можно, но это заметят. Отпереть отмычкой? Была бы она... А если разогнуть звено цепи?

Лыков-Нефедьев постоял перед склепом, словно отдавая дань памяти покойным, быстро осмотрел преграду и принял решение. Возиться с цепью он передумал. Тяжелая дверь с зарешеченным маленьким окном весила на вид не меньше десяти пудов. Если снять ее с петель, чего никто не ожидает, можно протиснуться внутрь и подвесить железо обратно. Замок на месте, вид у него запущенный — давно никто не отпирал. Австриякам и в голову не придет такой фокус, требующий от человека огромной силы и ловкости. Только надо пролезть в каплицу рано утром, за четыре часа до встречи. Если контрразведка оцепит кладбище, то не настолько заранее, а за час-полтора, иначе филеры будут бросаться в глаза.

Штабс-капитан так и сделал. Теперь он сидел, укрытый темнотой склепа, и поглядывал на аллею. Убежище

ему нравилось, но мартовская сырость... Так и простыть легко! Павлука вынужден был время от времени подниматься с газет и делать гимнастику. Когда на кладбище придут люди, уже не попляшешь и придется греться коньяком из фляги. Ну-ну...

Вдруг в конце аллеи появилась темная фигура. Неужели Яцевич тоже пришел пораньше, делает рекогносцировку? Разумно, но и опасно — можно примелькаться, навлечь на себя подозрение служителей. Лычаковское кладбище огромно, затеряться здесь легко, но всему есть мера. Разведчик всмотрелся — и отшатнулся внутрь склепа. По аллее шел к каплице капитан Рыбак!

В свое время бывший военный агент в Вене Марченко сумел достать списки офицеров Эвиденцбюро с описанием их внешности. Павлука заучил приметы тех, кто работал против России, наизусть. Полковник Николас Вауде де Воло, майор Виктор Джезисски, капитан Джулиус Риттер Мальчевски фон Торнау... Все владеют русским, неоднократно посещали империю с секретными заданиями. Юзеф Рыбак, начальник краковско-го центра, был лучшим из них. Умный, честолюбивый, знает четыре языка, бывал в Киеве и Варшаве. По наружности жуир и весельчак, а на самом деле серьезный противник. Это точно был он! Светлые волосы при черных бровях и усах, в духе лермонтовского Печорина, и кривые ноги кавалериста.

Лыков-Нефедьев сразу понял, как он влип. Кривоногий здесь не случайно. Подпоручик Яцевич тоже

провален и ведет за собой хвост. Как же австрияки узнали, где именно состоится встреча? Неужели они читают наши шифры? Хорошо, что меры предосторожности были предприняты заранее. Хотелось надеяться, что топтуны не заметили, как Павел в утренних сумерках махнул через забор со стороны университетского ботанического сада. Место там было безлюдное, густо заросшее грабами — бывший парк Цетнеровка. До каплицы разведчик шел крадучись и никого не встретил. Калитку снял мигом, спрятался и вернул железяку на место. Петли, правда, взвизгнули в тишине, но смазывать их он поостерегся: вдруг заметят? Теперь оставалось таиться и ждать, в надежде, что его не обнаружат.

Черноусый капитан прошелся взад-вперед и вскоре исчез. Но с этого момента аллея уже находилась под наблюдением. Разведчик слышал шаги слева. Крепкий дядя подошел к каплице и тщательно осмотрел замок. Вскоре справа появился второй и начал всматриваться в щели решетки. Укрытый за выступом Павлука унимал пульс. Сердце стучало так, что казалось, его могли слышать снаружи. Пять лет крепости! Именно столько полагалось шпионам по имперскому закону. И это еще что... Кроацция-Славония, а также Босния с Герцеговиной имели свои собственные законы, и по ним за шпионаж вешали.

Агенты проверили каплицу, заглянули под все окрестные кусты, успокоились и попрятались. Вокруг снова стало тихо. До появления маршрутника оставалось еще больше часа, но Павел провел его как на иголках. Холод и сырость донимали штабс-капитана все

сильнее, но о гимнастике думать уже не приходилось. Единственное, что себе позволил, — это напрягать и расслаблять мышцы рук и плечевого пояса в статике, без движения, по методу циркового борца Ивана Засса. Побоялся он и хлебнуть из фляжки. Вдруг филер стоит за стенкой и услышит шум? Да и пить теперь было опасно, требовалась ясная голова. В ней билась только одна мысль: как же они проведали? Засада заняла позиции заранее, значит, место и время враг знал!

Наконец сквозь прутья решетки Лыков-Нефедьев увидел агента. Тот явился в переходном♦ пальто бордового цвета и в шляпе с блестящей на солнце серебряной лентой. М-да... Халамидник, мысленно обозвал подчиненного Павел любимым ругательством Азвестопуло. Догадался же так вырядиться на конспиративную встречу. Теперь он пропал — австрияки своего не упустят...♦♦

Между тем подпоручик остановился возле нужной могилы и не спеша закурил. При этом папиросу он опять держал в левой руке, а правую сунул в карман. На всякий случай повторял сигнал закладки... Русские старались не передавать секретные бумаги друг другу на встрече, а только показывали, где их потом нужно взять. Если бы Яцевич послал пакет до востребования на центральный почтамт Лемберга, он держал бы курево в правой руке. И тогда забрать донесение уже нельзя — схватят в момент приема... А так следовало, что бумаги ушли по запасному варианту и есть шанс получить их. «Почтовый ящик» находился в монасты-

♦ *Переходное* — демисезонное.

♦♦ Арестованного в марте 1913 года во Львове за шпионаж русского подпоручика Яцевича через три месяца обменяли на оберлейтенанта австрийской армии Валолоха, попавшегося русской контрразведке.

ре бенедиктинок на Вечевой площади. Уже десять лет сестры содержали у себя школу для девочек. Учитель этой школы, русин по национальности (и католик!), работал на русскую разведку. Почту ему передавали тайком во время служб специально нанятые женщины. Они получали за свои услуги хорошую плату и считали, что помогают контрабандистам. Четыре или пять пронырливых теток шли клином, своими телами закрывая от чужих взоров подругу с пакетом. Филерам было почти невозможно отследить момент передачи почты в тесном пространстве костела.

Шансы есть, повторил про себя штабс-капитан. Надо только выбраться отсюда незамеченным, а делать это при свете дня рискованно. И он, дождавшись, когда маршрут-ник ушел, опять присел на газеты в дальнем углу.

Потянулось длительное ожидание. Еще около часа по аллее шныряли филеры, вглядываясь в лица прохожих. Затем они исчезли, что вовсе не означало, что Павлуке можно выходить. Ему пришлось ждать темноты и дважды справить малую нужду в склепе... Хотя склеп был католический, православному русскому было очень неловко, да куда денешься?

В сумерках, также через ботанический сад, он выбрался в город и укрылся на съемной квартире. Хвоста за ним не было, либо разведчика вели очень опытные наружники. На всякий случай штабс-капитан проверился через кавярню♦ пана Володзимежа возле часовни Боимов, где всегда толпились люди, а три выхода помогли скрыться незаметно.

♦ Кавярня — кофейня.

Квартира находилась у Губернаторских валов. Небогатый отставник, ищущий места, не мог позволить себе большие траты, потому приют выбрал скромный. Зато и здесь имелось три выхода. Поспав кое-как несколько часов, Лыков-Нефедьев вышел из дому на рассвете и отправился на Рынок. Площадь уже заполнили торговцы, они раскладывали товары и вяло переговаривались. Учитель из школы бенедиктинок толкался в зеленому ряду. Заметив разведчика, он зашагал прочь. Да будут благословенны старые города с кривыми улицами, узкими переулками и темными подворотнями! В одной из таких подворотен штабс-капитан рывком догнал связника, сунул ему банкнот в сто крон, а взамен получил тощий конверт. Ну? Волнуясь, он почти бегом двинул по давно изученному маршруту вокруг Латинского собора. Там имелись спасительные щели между дровяными сараями, которые выводили знающего человека куда надо.

Через час, переводя дух, Павел стоял на пороге своей явочной квартиры близ Песьего Рынка. Он приготовил ее еще зимой, оплатил на полгода вперед и надеялся отсидеться там в безопасности. С самого приезда во Львов два дня назад Лыков-Нефедьев здесь не появлялся. Только попросил письмом хозяина запасти пиво и легкую закуску. Теперь он намеревался отдохнуть, собраться с мыслями и принять решение — как выбираться из ловушки. Было ясно, что контрразведка, не сумев захватить агента на кладбище, пере-

кроет все выходы из города. Яцевича наверняка уже допрашивают. Этот адрес никто не знает, найти Павла быстро у австрийцев не получится. Тем плотнее будут заставы.

Но сначала он хотел прочитать письмо. Столько опасностей пришлось преодолеть, а за-ради чего? Павел вскрыл конверт и стал читать донесение, одно-временно запоминая его.

Итак, о польских делах... Яцевич был всего-навсего курьер, а сведения сообщал резидент в Галиции, кото-рого штабс-капитан лично завербовал в Перемышле год назад. Огеньквар берег его как зеницу ока. Еще бы: агент сидел в крепости на реке Сан, которую, случись война, придется брать штурмом. Пока же резидент про-ник в канцелярию местного стрелкового союза и узнал много интересного.

Он сообщал, что Пилсудский был назначен главным комендантом вновь созданной организации «Союз ак-тивной борьбы» (САБ). И открыл его тайные отделе-ния в Петербурге и Варшаве. А казначеем Польской военной казны стал ближайший сотрудник комендан-та Анджей Сливинский. Таким образом, пилсудчики теперь полностью контролировали как военные, так и финансовые вопросы повстанческого движения. Казне начала активно помогать Полония (это было общее название всех польских эмигрантских органи-заций в Америке). Счет пожертвований «на освобож-дение Польши» сразу же достиг десятков тысяч крон в месяц.

Не терял времени и австрийский Генеральный штаб. Он поддержал польский ирредентизм♦. Стрелковые союзы были подчинены местным органам ландвера♦♦ в рамках допризывной подготовки. Им отписали три тысячи карабинов и патроны к ним, а также три тонны взрывчатки. Причем оружие и взрывчатка остались на армейских складах, они должны были попасть в руки поляков только после объявления войны России. Кроме этого, выделили и деньги: двадцать тысяч крон на развитие союзов и еще десять тысяч на пополнение Польской военной казны.

Пятого октября прошлого, 1912 года Пилсудский отдал приказ по САБ: членам союза добровольно отправиться в русские губернии бывшего Царства Польского и начать там подготовку к вооруженному восстанию. Галицию тогда переполнили молодые паньчи, которые бойкотировали русское высшее образование и приехали поступать во Львовский и Краковский университеты. Как раз начиналась Первая Балканская война. Атаман рассчитывал, что поднимется мутная вода и в ней сама собой созреет революционная ситуация. Но жизнь показала, что Пилсудский торопил события. В Россию тайком пробрались не более тридцати человек, остальные и не подумали выполнять приказ.

Десятого ноября 1912 года в Вене состоялась конференция представителей семи партий из русской и австрийской частей Польши. Они договорились в случае войны Австро-Венгрии с Россией сформировать временное правительство Царства Польского, которое

♦ *Ирредентизм* — в XIX — начале XX века движение по объединению народа, разобщенного по разным государствам, в одно национальное государство.

♦ ♦ *Ландвер* — запас регулярной армии в Австрии и Германии.

объявит свою войну Николаю Романову. На деньги Габсбургов. Конференция объединила наиболее крупные структуры ирредентистов: Польский военный союз, военизированную крестьянскую организацию «Союз Бартоша», Легион независимости, Польскую армию, молодежное общество «Зет», Партию национальных демократов. Формировался единый фронт на случай чрезвычайных обстоятельств.

Для углубленной подготовки будущих командиров были созданы офицерские курсы в Кракове и унтер-офицерские — во Львове. А в селе Струж в окрестностях Лимановы готовилось открытие школы инструкторов Стрелкового союза. Сам Пилсудский намеревался вести там занятия по тактике революционных войн и по военной географии Царства Польского как будущего театра военных действий.

Депутат российской Государственной думы Савенко опубликовал в газете «Киевлянин» подлинные документы о сотрудничестве Пилсудского с австрийским Генеральным штабом. Общественность Галиции сочла это провокацией. Но те, кто знал правду, поняли, что русская контрразведка в курсе происходящего. Юзеф Рыбак и его люди замечались. Польские полувоенные структуры охотно пришли им на помощь. Резидент в Перемышле писал, что добывать сведения стало очень опасно. Пилсудчики усердно ищут предателей. Поскольку само общество на их стороне, добровольных помощников пруд пруди, и легко попасться, когда за тобой приглядывает столько глаз. В феврале-марте

в тюрьму угодило несколько агентов, завербованных Батюшиным и Галкиным. Вся разведывательная сеть в Галиции оказалась под угрозой провала.

Полковник Батюшин являлся начальником разведывательного отделения Варшавского военного округа, а полковник Галкин выполнял те же обязанности в Киевском округе. Эти два человека руководили шпионажем против Австро-Венгрии, а Батюшин действовал также и в Германии, в силу географического положения Варшавы. Теперь их противники мобилизовали против русской агентуры фактически все польское население Галиции. Положение уцелевших агентов осложнилось. Резидент писал, что временно прекращает шпионскую деятельность. И сам выйдет на Лыкова-Нефедьева по прежнему каналу связи — когда сочтет, что угроза миновала...

В конце письма агент сообщал любопытный факт. Пятьсот килограммов динамита было отправлено в Смоленскую губернию в целях активной разведки. В переводе на обычный язык это означало — для диверсий. В частности, планировалась порча искусственных сооружений на железной дороге. Ни больше ни меньше! Австрийский резидент, руководитель операции, проходил под псевдонимом Людвиг. О нем удалось узнать лишь одно: что он проник в Россию несколько лет назад под видом дезертира. Как звали этого человека сейчас, где именно он осел — таких сведений не имелось.

Штабс-капитан знал об этой уловке Эвиденцбюро. С 1901 года оно засылало в Россию офицеров под ви-

дом солдат-дезертиров. Наше правительство селило их в центральных европейских губерниях. Выдавало вид на жительство, ставило на год под надзор полиции и быстро забывало о существовании беглецов. Те ждали год, натурализовались, женились, заводили себе дело, перебирались в другую губернию — и исчезали из виду. Следы бывших дезертиров терялись, да и паспорта можно было купить на другое имя. Так агентура Эвиденцбюро расплзалась по стране. Людвиг стал одним из таких агентов глубокого залегания. Он дорос уже до поста резидента и был готов к активным операциям... Но почему Смоленск? Глубина осведомления разведки — пятьсот пятьдесят верст территории противника. А от Смоленска до границы больше тысячи. Город «тыловой», там нет недовольных режимом поляков. Это второй эшелон грядущей войны — пока еще туда доберется фронт... Но человек из Перемышля прямо указал: порча искусственных сооружений. Видимо, австрийцы готовят диверсионные отряды не только в прифронтовой зоне, но чуть ли не до Москвы. Чтобы затруднить переброску войск в нужное время. Э-хе-хе...

Еще одна фраза в донесении привлекла особое внимание штабс-капитана. Резидент сообщал: взрывчатка в Смоленске спрятана ненадежно и некий источник № 184 рекомендует переправить ее в более скрытное место, а именно в холодильник. Сидя в Перемышле, он не знал, что это за источник. Но Лыков-Нефедьев был в курсе: так в австро-венгерской разведке называли

дружественную им разведслужбу Германии. А вот что такое холодильник?

Павел вспомнил слова отца, будто бы поляки считают русские западные губернии своими. Даже придумали для них название: Забранные земли. Смоленщина была под властью польских королей недолго. Неужели паны решили, что это дает им право захватить древний русский город при создании новой Польши? С них станется. Хотя диверсии на железной дороге еще не экспансия, а только военная операция, но аппетиты там будь здоров.

Штабс-капитан не стал забивать себе голову сложными политическими вопросами. В Петербурге разберутся. Но сначала надо туда попасть, целым и невредимым. И задача нелегкая, особенно после сегодняшнего провала маршрутника. Павлука прочел донесение резидента еще раз, запомнил его накрепко и сжег в печи. Сведения были важные, надо обязательно доставить их в Огенквар. Но как?

Он цедил пиво и чертил на столе пальцем невидимые знаки. Можно уйти на восток, туда путь самый короткий. Однако и самый опасный. На границе с Россией разведчика уже ждут. Прошерстили контрабандистов, устроили кордоны, нашпиговали филерами поезда, обошли все постоялые дворы и буфеты. Отставной артиллерист в поисках места сразу бросится в глаза. Паспорт у штабс-капитана был настоящий, он обошелся в пятьсот рублей, жалко терять такую ценность. Но при тщательной проверке достаточно телеграфного за-

проса в Линц, и станет известно, что офицер ландвера Гереке сидит в родительском доме по болезни ног. И хлопчет о пенсии, а не о месте управляющего имением.

Можно попробовать пробиться в Черновцы и оттуда пролезть в Румынию — там разведчика ловить будут не столь усердно, как на русской границе. Или нырнуть в Транслейтанию♦ к мадьярам. Генеральное консульство Сербии в Будапеште являлось центром сербской разведки в Дунайской империи. Тайная организация «Черная рука», она же «Единение или смерть», создала в Венгрии собственную агентуру. Ее руководителя капитана Войслава Танкосича Павел хорошо знал. Чай, поможет спрятаться приятелю... Но люди Острога Меча♦♦ быстро делают успехи. С тех пор как Урбанский сменил своего ленивого предшественника Гордличку на посту начальника секретной службы, Эвиденцбюро укрепилось. В штат пришли сразу двадцать новых офицеров, появились крепостные отделения и дополнительные резидентуры. И теперь в Будапеште тоже небезопасно. Кроме того, недавно был учрежден еще один пункт для слежения за Сербией, в «Венгерском Гибралтаре» — городе Петервардейне. Ребята, чтобы отличаться, станут землю носом рыть. Нет, туда тоже опасно.

♦ Австро-Венгрия как двуединая монархия делилась на Цислейтанию (австрийские коронные земли) и Транслейтанию (венгерские коронные земли).

♦♦ *Острый Меч* — прозвище начальника Эвиденцбюро полковника Августа Урбанского фон Остерлица в русской военной разведке.

Оставался запад, где у двуединой монархии также имелись большие проблемы. Южный Тироль был населен итальянцами, которые спали и видели, как бы им присоединиться к своему народу. Союз «За Тренто

и Триест», «Лига Данте Алигьери» и ряд других тайных организаций сотрудничали с итальянской секретной службой и готовили отторжение части австрийских земель. Офицеры Урбанского старались за ними приглядывать, но получалось так себе. Потомки Данте объединились. Возникло еще одно сильное национальное движение, с которым только полицейскими мерами справиться было невозможно. Сбежать через Триест, где штабс-капитана Лыкова-Нефедьева никто не ждет? А оттуда в Одессу. Почему бы нет? Но сначала требовалось исчезнуть из Лемберга, где на него открыта охота.

Перед исчезновением Павел хотел сделать еще одно дело. Здесь, на секретной квартире, он зимой спрятал отправительную ♦ радиостанцию. Она занимала целый чемодан. Радиус действия станции составлял всего пятьдесят верст, а работы аккумуляторов хватало на четыре часа. Кроме того, ее очень демаскировала пятнадцатисаженная проволочная антенна, без которой вести передачи невозможно. Технически использовать аппарат было трудно, однако штабс-капитан возлагал на него большие надежды. Начнется война, и прежние способы связи уйдут в прошлое. Курьера через линию фронта не пошлешь и почте донесение не доверишь — цензура начнет вскрывать все письма. Останется радиотелеграфия. И пусть пока ее аппараты несовершенны, будущее все равно за ними. Надо потихоньку их осваивать. Начальство молодого офицера смеялось над его идеями, и станцию ему пришлось купить за свой счет.

♦ *Отправительная — передающая.*

Хорошо, что доходы с лесного имения позволяли делать такие дорогие приобретения.

Лыков-Нефедьев извлек аппарат, погонял его по эфиру, даже поймал какую-то передачу. Жаль, всего пятьдесят верст... Если доставить станцию, например, до Тернополя, сесть там под высоким деревом, забросив на него антенну, то теоретически можно дострелить радиограммой до русской территории. Военным кодом «Цезарь», который примет и расшифрует любая наша рота искрового телеграфа. Вот только окрестные землепашцы быстро заинтересуются, что делает на опушке подозрительный чужак с большим ящиком... Надо создавать цепочку близко расположенных станций, размещать их на хуторах, обучать связистов, усложнять коды. Сдвигать наши принимающие аппараты к границе. Совершенствовать технику. Увеличивать численность войск связи. До войны не успеем...

Со вздохом Павел убрал громоздкий аппарат обратно в чемодан. Полно фантазировать, надо думать, как уносить ноги. Значит, на юго-запад, в Триест? Но только не с помощью русинов. Хоть они и расположены к братьям-славянам, но именно среди них штабс-капитана и будут искать. Уже ищут! Контрразведка знает, что приехал человек из Варшавы забрать важное донесение. Яцевича вели от Перемышля и едва не довели до агентуриста. Тот не явился на кладбище, но он где-то в городе. Сейчас шерстят гостиницы и меблированные комнаты. Визитер приехал день или

два назад, по документам значится как коммерсант или кто-то подобный. Наверняка к проверкам подключили полицию и добровольцев-поляков из стрелковых союзов. А это десятки человек, если не сотни. Подпоручик сделал самое главное — успел передать письмо. Запутывая возможную слежку, он должен был вчера обойти все женские монастыри, а их во Львове восемь! Пока разберутся с монашками, пока обломают зубы об маршрутника... Павел уже покинет Лемберг. Надо действовать через евреев, через их контрабандную цепочку. Галицийские ребята с пейсами купили все кордоны от Бордо до Житомира и создали самую эффективную секретную организацию, общеевропейскую, с большими оборотами. Товары они возили фурами и целыми караванами. Парфюмерия, фальсифицированные коньяки, предметы роскоши шли в Россию, а оттуда — монетное золото, золотой песок, опиум и меха. Таможни и пограничная стража ничего не могли сделать с этим предприимчивым народом. Слишком велика рентабельность, прибыли хватает, чтобы открыть любые двери. И потом они повсюду. Если во Львове иудеи составляли треть населения, то в Бродах, Борыславе и Залещиках — восемьдесят процентов, а в Болахове — девяносто шесть! Какая полиция, я вас умоляю?! Даже ушлые германцы махнули рукой на еврейский гешефт. Они приставили к каждому мойше по часовому. В результате развратились и хваленые гансы. Восточная Пруссия смахивала на контрабандный вавилон.

♦ *Сыгнивка* —
еврейский
квартал во
Львове.

Утром отставной артиллерист Гереке в старом рыване отправился из Сыгнивки♦ в Будапешт. Хозяин подрядился сбыть на Ривьеру партию русского каракуля, тайно прибывшую из Туркестана. Бухарские евреи беспошлинно протащили его до Карпат. Скоро лето, к морю хлынут богатые бездельники... На выезде из Краковского предместья полицейский патруль проверял у всех документы. Увидев знакомого торговца, обер-шутцман сказал ему вполголоса:

— Не забудь для меня лавандового масла.

И сам поднял шлагбаум.

ГЛАВА 2

Тихий апрель

В начале апреля в Департаменте полиции сложилась необычная ситуация. Незадолго до этого, 21 февраля, по всей империи торжественно отметили трехсотлетие дома Романовых. В мае планировали августейший визит сначала в Германию. Дочь императора Вильгельма Второго Виктория-Луиза Прусская выходила замуж за принца Эрнста Великобританского. Должны были встретиться сразу три монарха: Николай, король Англии Георг и кайзер Вильгельм. А вскоре после этого наш государь собирался посетить места, связанные с воцарением его предка Михаила Федоровича. Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Ростов Великий, Переславль-Залесский, Сергиев Посад и в самом конце — Москва. Целое путешествие, длинное, хлопотное. И везде требовалось обеспечить охрану царского семейства. А человек, ответственный за это, пришел на должность совсем недавно и еще принимал дела. Свиты Его Величества генерал-

майор Джунковский занял специально для него воссозданный пост товарища министра внутренних дел, заведующего полицией. Одновременно он был назначен командиром Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ). Таким образом, этот человек сосредоточил в своих руках вопросы и общей полиции, и политической. На хлопотную и трудную должность Владимир Федорович пришел из московских губернаторов, к делу сыска отношения раньше не имел и опытом не обладал. Зато у него с избытком хватало апломба и реформаторского зуда. Поэтому отношения товарища министра с директором Департамента полиции Белецким не заладились с самого начала.

Новый министр внутренних дел Маклаков, который и позвал своего приятеля Джуна на должность, доверил ему дело целиком. Генерал быстро завел жесткие порядки. Теперь ни один вопрос, касающийся полиции, не мог выйти на министра, минуя его товарища. Белецкий делал доклады первому лицу только в присутствии Джунковского, один раз в неделю и кратко. Все остальные вопросы Степан Петрович решал у Владимира Федоровича дважды в неделю и сидел там сначала по три-четыре часа. Но генералу эта говорильня быстро надоела, и он стал прижимать подчиненного.

Особенно интересовал нового начальника негласный фонд. На 1913 год секретная сумма Департамента полиции, не подлежащая ревизии Государственного контроля, составляла 5 298 073 рубля. Джунковский почему-то решил, что здесь кроется причина злоу-

потреблений по службе. Воображение рисовало ему картины, как Белецкий со своими вице-директорами жируют на эти средства, вписывают их в липовые ведомости на агентуру, кладут большую часть себе в карман и вообще морально разлагаются... В действительности денег секретного фонда едва хватало на многочисленные нужды, которые из него финансировались. На содержание Заграничной агентуры департамента уходило 260 000 рублей. Дворцовый комендант забирал себе 670 000 рублей, и 350 000 — петербургский градоначальник. Два миллиона шли в охранные отделения, 700 000 — на агентурные расходы губернских жандармских управлений и железнодорожных жандармов. Кроме того, 385 000 съедали разные предметы: пенсии, пополнение убранства домово́й церкви, содержание мест заключения политических арестантов и прочее. Еще 200 000 получал вечно голодный ОКЖ (добавочное содержание, пособия, хозяйственные нужды). И наконец, 560 000 рублей шли на усиление самого Департамента полиции. Он сохранил штаты тридцатилетней давности, которых давно уже не хватало для эффективной работы. Поэтому вместо 127 человек там служило более 600 — все «лишние» были оформлены сверх штата. Маленькие оклады приходилось дополнять наградными деньгами, иначе люди уходили в градоначальство или на частную службу. Остаток средств (всего 76 000 рублей!) направлялся на кредит для сыскных отделений от Варшавы до Владивостока. Лыкову, например, на секретную агентуру доставалось

из него лишь 5000 рублей, и он постоянно добавлял к ним личные средства...

Джунковский первым делом взялся разбирать, на что идут секретные деньги. Еще он занялся сокращением охраны высочайших особ — видимо, из соображений экономии. Для консультаций генерал-майор выбрал Лыкова. Статского советника давно уже не привлекали к таким вопросам, что его устраивало. Но Джунковскому, новичку в делах безопасности, требовался сведущий человек, в порядочность которого он, в отличие от Белецкого, верил. Ему порекомендовал обратиться к сыщику Гучков, негласный приятель товарища министра♦. И тот через голову директора начал чуть не ежедневно вызывать к себе его чиновника и мучить дилетантскими вопросами. Так прошла половина апреля.

♦ См. книгу «Паутина».

Лыков рассказывал начальнику все корректно, но вполне откровенно. Вопросы безопасности — одни из самых болезненных для сановников. У них еще свежи в памяти страшные террористические акты недавнего прошлого: застреленные и разорванные на куски бомбами министры, губернаторы и даже великий князь. Но кровавый морок давно прошел, бомбисты попрятались. А раздутая охрана осталась.

Джунковский, надо отдать ему должное, начал с себя. Ему полагалось четыре караульщика, и он их быстро отменил. Затем взялся за своего шефа. Маклакова охраняло более ста человек! Два поста были учреждены даже на крыше дома по адресу Фонтанка, 16, где рас-

полагалась служебная квартира министра внутренних дел. Посты являлись заведомо бессмысленными, поскольку здание стояло особняком от других и попасть туда с соседних крыш было невозможно. Тем не менее люди мерзли там с утра до вечера, гремели кровлей, смешили обывателей... Джун очистил крышу, а остальную охрану уменьшил до шестидесяти человек при двух офицерах, заставив их дежурить посуточно через день.

Закончив с шефом, Владимир Федорович принялся за остальных сановников. Сильнее всего стерегли премьер-министра Коковцова — полсотни штыков во главе с жандармским офицером. Хотя их содержание взяло на себя Министерство финансов (которым Коковцов руководил одновременно с премьерством), Джун не угомонился. Экономить так экономить! И он упразднил чинов жандармерии, оставив лишь наружников охранной команды ПОО♦. Затем дошла очередь и до министров. У Рухлова, министра путей сообщения, отобрали всех четырех телохранителей и обоих у военного министра Сухомлинова. Только министру юстиции Щегловитову, Ваньке Каину, заслужившему всеобщую ненависть, оставили его шестерых сторожей. Алексей Николаевич мстительно предлагал лишить нехорошего человека такой чести, поскольку именно Щегловитов в свое время помог укатать сыщика в тюрьму. Но Джун понюхал воздух наверху и не согласился...

♦ ПОО — Петербургское охранное отделение.

После министров настала очередь самого августейшего семейства. Неугомонный генерал начал провешивать расходы на охрану великого князя Николая

Николаевича, великой княгини Марии Павловны — старшей и даже вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Великий князь, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, обходился всего тридцатью чинами охраны, их ему и сохранили, сокращать не стали. Зато вдову бывшего командующего великого князя Владимира Александровича, Марию Павловну, решили обкорнать. Зачем ей пятнадцать топтунов? Ладно, когда был жив муж, ребята караулили их обоих. Но теперь кому была нужна эта старая и недалекая женщина? Однако Джунковский встретил сильное противодействие со стороны управляющего малым двором великой княгини генерала Кнорринга. Тот ни в какую не хотел уменьшить кадр охраны. Джун попросил Лыкова выяснить, в чем тут дело. Алексей Николаевич быстро разузнал, что такова воля самой Марии Павловны. Она привыкла видеть одни и те же знакомые лица на выходе из дворца и вблизи себя на улице. Здоровалась с охранниками, дарила им подарки на Пасху, даже крестила чьих-то детей. Как тут обидеть добрую старуху?

Лыков приватно переговорил с Кноррингом, затем с великой княгиней. Спокойно и вежливо, доступным ей языком сыщик объяснил ситуацию. Пятнадцать бездельников кормятся за казенный счет. Жизни вдовы ничто не угрожает, она даром никому не нужна. Следует сократить расходы. В результате штат охранников уменьшился сначала вдвое, а затем и вовсе был ликвидирован. Но Мария Павловна сжалась над от-

ставниками и всех их наняла в качестве прислуги во Владимирский дворец!

С караулом вдовствующей императрицы Владимир Федорович решил вопрос сам. Как-никак он начинал службу в Преображенском полку, вместе с государем, тогда еще наследником. Императрица-мать знала его лично не первый год. Ее и без того опекала многочисленная дворцовая полиция, зачем еще чины департамента? Но на этот раз на его пути встал градоначальник Драчевский. Он нагло использовал полагавшихся Марии Федоровне людей Белецкого для своих нужд как посыльных. С помощью Алексея Николаевича, проведшего негласное дознание, Джунковский уличил в этом Драчевского и уменьшил штат охраны вдовствующей императрицы вдвое. А Лыков получил еще одного сильного врага, но ему было наплевать на это...

Чем больше входил в дела Джунковский, тем ниже падали фонды Белецкого. Кроме него, генерал невзлюбил и вице-директора департамента Виссарионова. Тот отвечал за политические вопросы, курировал самый важный в структуре Особый отдел и был крупным специалистом в политическом сыске. Алексей Николаевич не переносил Виссарионова как человека двуличного и угодливо-елейного перед сильными, но отдавал ему должное. Товарищ министра ополчился не только на руководителей сыска, но и на их методы. Вскоре выяснился его взгляд на то, что можно и что нельзя. Чиновник особых поручений лишь диву давался, как

смог этот странный человек пролезть на столь ответственный пост. Пролез и начал все крушить...

Сначала Джунковский решил отменить внутреннее осведомление в средних и низших учебных заведениях. Поводом послужили аресты учащихся гимназии Витмер в Петербурге. Белецкий доложил, что подростки объединились в «Революционный союз» и требовали ни больше ни меньше как свержения царского правительства и учреждения демократической республики. И показал соответствующие бумаги. Генерал стал разбираться и с ужасом выяснил, что сведения полиции основываются на донесениях агентов. Таких же шестнадцатилетних школяров, как и жертвы их доносов. Возмутившись аморальностью произошедшего, Джун запретил развращать учеников. Сохранив негласное осведомление только в высших учебных заведениях.

Следом пришел черед армии. Генерал считал себя военной косточкой, хотя давно уже отбил от строя. Но прямая и солдатская душа его восстала против того, что жандармы внедрили доносительство и в войска. (Именно так, рисуясь своей порядочностью, Джун объяснял собственное недовольство.) Считая подобное недопустимым, разваливающим дисциплину и разлагающим дух армии, он ликвидировал в ней всю секретную агентуру одним росчерком пера. А взамен рекомендовал «боковое освещение», то есть осведомление вспомогательными средствами, не напрямую. Например, поставить рядом с казармой табачную лавку, посадить туда агента, и пусть записывает, что говорят между со-

бой солдатики... Профессионалы-разыскники от таких идей были в ужасе.

Когда Алексей Николаевич узнал об этом нововведении товарища министра, он сразу вспомнил слова Гучкова, что подавлять следующую революцию армия не придет! Не его ли поручение выполняет генерал Свиты Его Императорского Величества?

Однако новые ветры в МВД напрямую мало задевали Лыкова. Политический сыск — дело чужое, еще Благово завещал держаться от него в стороне. Уголовный сыск совсем другое. Охранители закона до смешного мало интересовались им, бросая все силы и средства на борьбу с крамолой. В результате преступность росла. Относительный порядок удавалось поддерживать лишь в столицах. Надзиратели сыскных отделений получали настолько мизерное жалованье, что вынуждены были нарочно не заполнять всех вакансий, чтобы делить экономию между собой! А что значит не заполнять? Приходилось трудиться за двоих. В штате, как правило, три-четыре надзирателя, у начальника отделения нет помощника. Денег не хватало даже на канцелярские расходы, и сыщики отрывали чистые половины от входящих бумаг и писали рапорты на них.

Так длилось много лет. Наконец власти спохватились. Полиция Российской империи жила по Временному положению от 1862 года! И с того же года не росли оклады жалованья. Департамент полиции разработал проект реформы еще по приказу Столыпина, но потом дело затормозилось. Против проекта восстали губернаторы, поскольку теряли власть над местными поли-

цейскими силами — по новому закону все решалось бы в Петербурге. Маклаков собрал совещание из пятнадцати губернаторов, которые единогласно отменили эту норму. Подправленный законопроект ушел в Совет министров, где его мытарства начались по новой.

Алексей Николаевич, воспользовавшись хорошим отношением к себе Джунковского, убедил его в том, что необходимо помочь сыскной полиции хотя бы административными мерами. А именно провести совещание, которое разработает единый документооборот и улучшит организацию розыска. Он привел товарищу министра некоторые цифры:

— В лондонской полиции числится восемнадцать с половиной тысяч городских, подчиненных префекту, и еще тысяча починяется лорду-мэру. Это всего на три тысячи больше, чем в парижской полиции. А население Лондона больше населения Парижа на три миллиона человек! И справляются с преступностью англичане много лучше французов. Их городские даже не вооружены. Они ходят по улицам поодиночке, их присутствия вполне достаточно для поддержания порядка. Борются с обычными хулиганами, серьезные злодеяния — редкость. А парижские полицейские вооружены до зубов, передвигаются отрядами, но кровавые убийства, тем не менее, случаются через день.

— Почему так? — удивился генерал-майор.

— Тому несколько причин, Владимир Федорович. Одна лежит на поверхности: в Англии за умышленное убийство вешают. В течение трех дней.

— Ну, мы так не можем... А другие причины?

— Еще там хорошо организован уголовный сыск. Вы читали, наверное, у Конан Дойла про дурака Лестрейда? Это вранье. Скотленд-Ярд очень хорошо выстроен. Именно для борьбы с серьезной преступностью, хотя и горчишникам♦ спуска не дадут. А у нас...

♦ *Горчишник* — хулиган.

— Что вы предлагаете, Алексей Николаевич?

— Провести для начала совещание под вашим председательством. Тематика вопросов примерно такая: выработка инструкции чинам сыскных отделений; выработка единообразной формы отчетности и регистрации преступлений; объединение деятельности сыскной полиции с общей и железнодорожной полицией. Ну и еще найдется, что обсудить. Например, порядок задержания подозреваемых и обвиняемых.

— А тут что не так? — возмутился Джунковский. — Сто лет задерживаем, и вдруг надо переделать?

— В нашем министерстве среди прочих разрабатывается новый закон о неприкосновенности личности, — пояснил статский советник. — Надо, чтобы нормы будущего закона не противоречили инструкции полиции. Лучше свести их воедино сейчас.

— Гм. Вы и за этим следите? Похвально. Насчет совещания: сейчас мне, признаться, не до него...

— Понимаю, — перебил товарища министра чиновник особых поручений. — Кончатся торжества, все маленько передохнут, и в конце июня можно собраться. С новыми силами!

Джунковский вздохнул. Он с утра до ночи крутился с обеспечением охраны предстоящих торжеств. И сам мечтал о том времени, когда все закончится.

— Э...

— Если позволите, мы со статским советником Лебедевым подготовим соображения. А вы их рассмотрите... после путешествия Их Величеств.

Лебедев был шефом Восьмого делопроизводства, мозга русского уголовного сыска. А также приятелем и единомышленником Лыкова.

— Разрешаю и даже приказываю, — поднялся генерал. — Я дам команду вашему Белецкому.

Он не стал скрывать брезгливой интонации.

Лыков молча поклонился и вышел. Джунковский буквально сверлил ему спину тяжелым взглядом. Вот же человек...

Но взяться за подготовку совещания Алексей Николаевич не успел. Утром следующего дня его вместе с директором департамента вызвал к себе товарищ министра.

— Господа, вам срочное поручение. У Военного министерства нынче ночью украли авто. Шофера зарезали, подлецы...

— А мы тут при чем? — нахмурился Белецкий. — Преступления в столице дознает Петербургская сыскающая полиция. Пусть Филиппов и выкрывается.

— Я это знаю, — с досадой остановил подчиненного Джунковский. — Но наш обещал помочь.

— Вон как...

Маклаков был в столице новичок, он вырос в Москве и не имел нужных знакомств в высшем свете. Чтобы привлечь союзников, новый министр внутренних дел являлся даже с прохвостами. А на заседаниях правительства он присоединился к двум самым консервативным министрам — Сухомлинову и Щегловитову. Теперь за эту дружбу приходилось платить.

— А что скажет Драчевский? — попытался спрятаться за градоначальника Лыков. — Мы вторгаемся в его компетенцию.

Он помнил, как с такого же приказа, данного ему предыдущим министром Макаровым, начались заключения, доведшие сыщика до тюрьмы♦.

♦ См. книгу «Взаперти».

— Драчевский лично телефонировал Маклакову утром, — вновь с досадой пояснил генерал. — И ехидно так предложил привлечь к делу вас, Алексей Николаевич. Видать, высоко ценит.

Все трое иронично хмыкнули. Товарищ министра продолжил:

— Градоначальник сказал: у вас там есть человек, зрит в землю на три аршина. Лыков ему фамилия. Пусть покажет себя, поможет Филиппову. Это он никак не может простить вам историю с уменьшением охраны Марии Федоровны... Надеется, что вы сломаете себе шею на поручении.

— Придется разочаровать Даниила Васильича и найти авто, — буднично ответил статский советник.

— Уж не подведите.

♦ ПСП — Петербургская сыскная полиция.

И Лыков отправился на Офицерскую, в ПСП♦. Филиппова на месте не было, сыщика принял его помощник Маршалк.

— Слышал, слышал, — не дал он заговорить гостю. — Будете нас усиливать? Ну-ну, бог в помощь. А только мы бы и без вас справились.

— Как будто я этого не знаю, Карл Петрович. Но объясните это градоначальнику. Не возьметесь?

— Такому объяснишь...

— Вот и не налетайте на меня, как будто я вам противник. Давайте лучше про мотор.

Маршалк принялся рассказывать. Авто марки «Мерседес» модификации 16–40 принадлежало гаражу Военного министерства и обслуживало Главное военно-медицинское управление. Его угнали поздним вечером. Шофер отлучился купить папирос на Лиговке. А когда вернулся, получил сзади удар ножом под лопатку. Авто было с грузом — на заднем сиденье лежали шестьсот ампул морфия.

На этих словах Лыков встрепенулся:

— Морфий дает направление поискам.

— Еще как дает, — поддержал его энтузиазм Карл Петрович. — Филиппов сейчас этим и занят. Проверяет всех известных нам торговцев наркотикой.

— Похоже, я вам действительно не нужен. Дело простое, сами справитесь.

Тут вошел Филиппов. Он услышал последние слова чиновника особых поручений и возбужденно подхватил:

— Если желаете, и для вас найдется дело. Здравствуйте, Алексей Николаевич.

— Здравствуйте, Владимир Гаврилович. Неужели нашли? Так быстро?

Начальник ПСП аж пританцовывал, так он был возбужден.

— Ну, кто тут зрит на три аршина в глубину? — едва не крикнул он. — А? Представьте, мы тоже так умеем.

— Почему вы оба на меня напали? Дурак ляпнул глупость, а умные обиделись?

Лыков осерчал. Поручение с самого начала было ему неприятно, а тут еще реприманд от коллег. Но Филиппов уже спохватился и стал рассказывать другим тоном:

— Ампулы мы разыскали, в целости. Лишь четыре штуки успели пустить в дело.

— У Левки Апотекмана? — предположил департаментский.

— У кого же еще? В сарае, в застрехе. В Новой Деревне.

Апотекман начинал в Житомире как ученик провизора, в соответствии с фамилией. Но не устоял перед прелестями красивой жизни, перебрался в столицу, где за три года превратился в главного деятеля наркотического рынка. Почти весь продаваемый в Петербурге «кокс» проходил через его руки. При этом Левка был обаятельный, щедрый, его любили проститутки, всегда покрывали и помогали продавать товар в розницу.

- Так. А что за дело для меня?
- Оружие у вас при себе? — ответил вопросом на вопрос Филиппов. Он открыл стол, порылся, извлек оттуда браунинг и сунул себе в карман.
- Нет, конечно. Сбегать?
- Не успеете, мы сейчас выезжаем.
- Владимир Гаврилович, расскажите все-таки, прежде чем ехать. Я же не дядя сарай, могу пригодиться.
- Да, — спохватился главный столичный сыщик. — Тем более Драчевский вас позвал. Значит, так. Апотекмана мы взяли, морфий взяли, а «Мерседес» придется отбивать. У Жоржика Могучего.

В комнате повисло молчание. Жоржик Могучий, по паспорту Георгий Янкопуло, крестьянин Херсонской губернии, был сейчас самым опасным человеком в Петербурге. По крайней мере, таким его представляли газеты. Не особо умный, зато бессердечный и действительно очень сильный физически, бандит совершил уже восемь убийств. И это лишь те, что полиция имела основания приписать ему, а сколько их вообще было на совести вурдалака, никто не знал.

Жоржик начал счет своим жертвам в Одессе и Николаеве, оттуда перебрался в столицу и уже здесь зарезал ювелира Мгольда с семьей и прислугой — сразу четыре трупа. Люди Филиппова сбились с ног, разыскивая херсонца. Но питерские «иваны» помогли коллеге до сей поры скрываться от полиции. Неужели сейчас появился след?

— Так что насчет оружия? — напомнил Владимир Гаврилович. — Могу одолжить, недорого возьму.

— Жоржик никого не застрелил, он любитель резать, — подал голос Маршалк. — Вряд ли прокурорский надзор одобрит, если Алексей Николаевич всадит ему пулю-другую. Вообще, называя вещи своими именами, ему бы лучше воздержаться от участия в аресте.

— Дудки! — возмутился Лыков. — Чтобы потом Драчевский продолжил свои глупые выходки? Пойду и сгребу вашего Жоржика. Без всякого оружия, голыми руками. Поглядим еще, насколько он могучий.

Сыскные принялись дружно отговаривать департаментского и были, конечно, правы. Опасный человек мог наделать в нем дырок. Но Алексей Николаевич махнул рукой:

— Времени нет на разговоры. Поехали. Чай, я кое-что повидал, на рожон не полезу. А гаденыш нужен живой, к нему много вопросов.

Так по-мальчишески статский советник ввязался в ненужное приключение. В душе он хотел наконец проверить себя. После того как в прошлом году бандит Кутасов пробил сыщику бок, он долго лечился. Потом еще дольше восстанавливал физические кондиции. И было непонятно, восстановил ли... Лыков давно желал замешаться в боевое дело, но окружающие — и в первую очередь Азвестопуло — оберегали заслуженного, много раз раненного человека от прямой опасности. Даже в поездке в Приморье и на Сахалин не

◆ Средство от геморроя тех лет — специальный резиновый круг, который подкладывали на стул.

удалось ему почесать кулаки. Сергей смеялся, что шефу пора носить в портфеле на службу резиновый круг... ◆
А тут удобный случай, и Сергея рядом нет!

В результате через четверть часа от здания ПСП отъехали два авто. Апотекман сообщил, что разыскиваемый «Мерседес» спрятан в конюшне одного темного извозопромышленника. Место было малолюдное, на углу Лейхтенбергской и Обводного канала. Филиппов взял с собой пять человек из полицейского резерва, в том числе Полухина и Кравцова, городских с выдающимися физическими данными. Сам начальник на всякий случай прихватил из арсенала бронированный щит с прорезью для глаз и ручкой внутри, который использовали во время опасных задержаний.

К удивлению Лыкова, сыскные сначала заехали на Преображенскую улицу, в лейб-гвардии Саперный батальон. Там забрали ящик с шипами, которые используются против кавалерии. Четыре шипа были соединены так, что, как их ни кинь на дорогу, всегда один будет торчать острием вверх. Филиппов многозначительно буркнул:

— Пригодится!

Он оказался прав. Когда автомобили с сыскными остановились за Балтийским вокзалом, к ним подбежал агент Изралов и сообщил:

— Мотор заводят! Не иначе, собираются ехать.

— Тем лучше, — обрадовался Владимир Гаврилович. — Не иди же на штурм. Пусть выезжает, там его и возьмем.

Чины полиции едва успели набросать шипы перед воротами, как они распахнулись и оттуда, фырча и отчаянно сигналив, вылетело авто. За рулем сидел рыжий парень, а на заднем сиденье возвышался гигант с шевелюрой до плеч. Физиономия у него была на удивление тупая...

Мотор на полном ходу проехался по шипам и тут же вильнул вбок. Шофер не удержал руль, когда зашипели и стали сдуваться проколотые камеры. От ободов колес полетели искры, с противным визгом авто поползло до высокого бордюра и застыло. Тут же городовые бросились в атаку. Рыжий водитель метнулся к каналу и хотел уже сигануть в воду. Но его схватили за штаны и сдернули с перил, ткнув лицом в землю.

Иначе вышло с Жоржиком. Он тоже полез наружу и тут же попал в руки арестной команды. Полухин с Кравцовым вцепились ему в плечи, а надзиратель Кренев ударил под дых. Но дальше дело застопорилось. Атлет лишь крякнул и пинком свалил обидчика на землю. А потом стряхнул с себя противников, как малых детей...

В этот момент к нему и подскочил Лыков. Детина с глупой физиономией, разгоряченный схваткой, обрадовался:

— Еще один? Накося!

И врезал правым кулаком. Алексей Николаевич успел прикрыться, но удар был такой силы, что его отбросило назад. Он бы упал, если бы не авто. Левая рука сразу онемела. А Жоржик опять занес огромный кулак.

Ситуация была аховая. Чины полиции все как-то стусевались, а некоторые лежали и не спешили подниматься. Краем глаза Алексей Николаевич увидел, что Филиппов отбросил ненужный щит и целит в бандита из «браунинга».

— Отставить! — крикнул он. И с ходу задвинул Могучему в печень. Однако тот, вместо того чтобы упасть, принял сыщика в охапку и стал душить. В глазах у статского советника потемнело, но он страшным усилием отвел ручищи от своей шеи. Грек очень удивился. И даже взглянул на врага с любопытством. Тут-то ему и прилетел удар — в челюсть, со всей силы.

Алексею Николаевичу показалось, что он жажнул в борт дредноута. Сыщик обезручил! Левая висела как плеть, а правую свело от боли. Но и Жоржик получил свое. Бандита сильно мотало, а глаза его сделались мутными.

— Клешни сюда! — приказал Лыков, стараясь скрыть, что и сам едва держится на ногах.

Жоржик протянул вперед дрожащие кулаки, и сыские быстро заковали его в наручники.

— Поехали!

Рыжего посадили в один мотор, Могучего — в другой и помчались на Офицерскую. Агента Изралова оставили охранять «Мерседес». Алексей Николаевич ехал впереди, вместе с Филипповым и пленным шофером. Вдруг напротив Семеновского плаца сзади завещал клаксон.

— Черт, опять! — воскликнул главный сыщик, порочиваясь. Их авто остановилось. Лыков вышел наружу и увидел, как из второго авто вывалился грек в разодранной одежде и припустил вдоль рельсов Царскосельской железной дороги. На руках его блестя «браслеты» и болтались обрывки цепочки. Он порвал наручники! А в моторе стонали помятые сусальные, и никто не выскакивал следом, чтобы догнать беглеца.

Лыков впал в ярость, чего с ним давно не было. Девять убийств на него, если считать с несчастным шофером. Три месяца не могли его поймать. Вот схватили наконец и готовы упустить? Ну уж нет.

В несколько прыжков он настиг фартового, схватил за плечо и развернул, чтобы удобнее приложиться. Руки вдруг перестали болеть и налились небывалой силой. Убью, и черт бы с ним, подумал статский советник. А Жоржик, увидев, кто его сцапал, даже не стал сопротивляться. Просто пригнул голову и заслонился. В эти огромные, как арбузы, кулаки Лыков и въехал что было дури. Он пробил защиту и угодил головорезу в темя. Другой на его месте рухнул бы без сознания. Но Могучий опять зашатался, и только.

Алексей Николаевич в недоумении развел руками. Из чугуна он сделан, что ли? Добавить еще раз? Уже не в защиту, а в переносицу. А лучше в висок. Однако Жоржик не думал никуда бежать. Его закрутило вокруг своей оси. С трудом он выпрямился и промямлил:

— Пожа... лейте...

Статский советник едва не врезал еще, так он был зол. Второй удар мог иметь тяжелые последствия. И повлечь за собой прокурорскую проверку, что, учитывая прошлое Лыкова, было чревато для него неприятностями. Но тут подбежали городовые и скрутили беглеца. На этот раз руки ему сковали за спиной и дали несколько банок под ребра. А Лыков вернулся к своему авто. Он успел увидеть, как Филиппов убирает «браунинг» в карман и на лице его читается облегчение.

В кабинете Владимир Гаврилович долго жал коллеге руку, ничего не говоря. Было ясно и без слов. Все испортил резервный Полухин. Он высунулся из-за плеча начальства и сказал с подковыркой:

— А все ж таки Жоржик не упал!

— Не упал, — кивнул Лыков. Сил на спор не было: руки гудели, ноги подгибались...

Филиппов покрылся пятнами и зашипел на подчиненного:

— Прочь отсюда, шалыган!

Когда начальники остались одни, хозяин предложил гостю коньяку. Едва они махнули по рюмке, ввалился Маршалк и закричал с порога:

— Говорят, Жоржик Могучий не упал! Это после ваших-то ударов, Алексей Николаевич? По-ра-зительно!

Чиновник особых поручений отодвинул бутылку и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я, пожалуй, пойду.

Он шел до Фонтанки, 16, целый час, останавливаясь перед каналами и глядя на апрельскую, покрытую